

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Н. Н. Рычкова

г. Москва, Россия

ТРАДИЦИИ ВЕРБНОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ И ЧИСТОГО ЧЕТВЕРГА В УКРАИНСКОМ АНКЛАВЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда,
проект №14-18-00590-П «Тексты и практики фольклора как модель
культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование»

Аннотация: Предлагаемая статья посвящена проблеме исследования народной культуры украинского анклава. Материалом послужили интервью, записанные от жителей шести населенных пунктов Самойловского р-на Саратовской обл. в 2012–2016 гг. Заселение этой территории украинцами началось в XVIII в., население сформировало несколько миграционных потоков из разных мест, точными данными о них мы не располагаем. Это обусловило формирование особой полидиалектной культуры, на которую оказала влияние и окружающая южнорусская традиция. В статье впервые сделано подробное описание вербальных, акциональных и предметных элементов двух праздников — Вербного воскресенья и Чистого четверга. Проанализированы черты различных культурных диалектов, которые проявились в особенностях празднования этих дней, а также приведены причины, обусловившие формирование именно таких (тех, что мы имеем в записи) нарративов об этих праздниках.

Ключевые слова: фольклор, фольклорные диалекты, украинский анклав, Вербное воскресенье, Чистый четверг, религиозные праздники.

Информация об авторе: Надежда Николаевна Рычкова — кандидат филологических наук, научный сотрудник учебно-научного Центра типологии и семиотики фольклора, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125993 г. Москва, Россия. E-mail: nadya.vohman@gmail.com

Дата поступления статьи: 18.02.2018

Дата публикации: 15.09.2018

Для цитирования: Рычкова Н. Н. Традиции Вербного воскресенья и Чистого четверга в украинском анклаве Саратовской области // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 107–121.

В настоящей статье акцентируется внимание на проблеме изучения народной культуры жителей анклава — переселенческой этнической группы, которая находится в иноэтническом окружении и практически не имеет контактов с материнской культурой. Теоретических работ, посвященных способам и методам описания и интерпретации таких традиций, не так много, среди них следует отметить статью Е. Е. Левкиевской, в которой автор поднимает вопрос о методологических подходах к анализу островных

культур, в частности, показывает возможные способы анализа отдельных элементов культуры украинского анклава Саратовской обл., [11] и монографию А. А. Плотниковой, посвященную традиции трех островных ареалов (еще один термин, равнозначный используемому нами анклаву). Помимо собственно анализа традиционной культуры выбранных территорий, в первой главе автор приводит ряд исследований, в том числе из смежных дисциплин, которые посвящены изучению анклавов [16]. В нашей работе проанализированы вербальные, акциональные и предметные составляющие двух праздников, предшествующих Пасхе и тесно с ней связанных, — Вербного воскресенья и Чистого четверга. В основе исследования лежат экспедиционные записи учебно-научного Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва), сделанные в селах Самойловка, Залесьянка, Ольшанка, Еловатка, Криуша и Каменка Самойловского р-на Саратовской обл. в 2012–2016 гг. Расположение этих деревень относительно друг друга представлено на карте.

Стоит отметить, что Самойловский р-н в XX–XXI в. не был обследован фольклористами, в нашем распоряжении есть лишь отдельные этнографические заметки второй половины XIX в¹. [6; 18]. Однако в них не встречаются материалы, касающиеся двух рассматриваемых праздников, поэтому нет возможности проследить, как изменились традиции их празднования в диахронии.

¹ Вильгельмов А. О. Малороссийская свадьба в слободе Самойловке, Балашовского уезда Саратовской губернии. 14 ноября 1887 г. // ОГУ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 932.

Самойловский р-н является частью Еланско-Терсянского украинского анклава, который начал формироваться с XVIII в. Самое старое село района — Еловатка — основано около 1700 г.; его жители переселились сюда «из-под Киева и Полтавы» [12]. На протяжении двух веков на исследуемой территории возникали новые населенные пункты, население которых сформировало несколько переселенческих потоков: крестьяне прибывали сюда из различных мест восточной Украины. Жители и в настоящее время осознают специфичность каждого населенного пункта: в интервью нередко отмечают языковые и культурные различия своего села и соседнего. Таким образом, изучаемый анклав является полидиалектным, и некоторые диалектные черты традиционной культуры будут описаны в настоящей работе.

Источниками для исследования послужили интервью с жителями указанных выше деревень, в нарративах которых отразилось как современное состояние фольклорной традиции, так и ее состояние в прошлом, т. е. примерно в 1950–1970-х гг. В качестве сравнительных источников были привлечены публикации, представляющие традиции этих праздников на территории Украины — с целью выдвижения гипотезы о возможных местах выхода переселенцев, с одной стороны, и соотношения украинских и русских черт исследуемой культуры, с другой. Кроме того, по возможности были использованы материалы других украинских анклавных традиций на территории России, что помогло понять, являются ли те или иные особенности общими для переселенческих культур или они появились в рамках развития конкретного анклава, например, во взаимодействии с окружающим его южнорусским населением.

«Не я бью, верба бье»: особенности празднования Вербного воскресенья

Шестое воскресенье Великого поста, или последнее воскресенье перед Пасхой, в данной традиции имеет два названия — *Вербное воскресенье* и *Вербна неделя*. Существование русского и украинского вариантов подчеркивает двуязычие местных жителей. Кроме того, некоторые информанты, регулярно посещающие церковь, знают и церковное название этого праздника:

Это перед Пасхой последнее воскресенье, называется Вербное, Вход Господень в Иерусалим. Двундесятый праздник, великий праздник².

В Вербное воскресенье, как и в другие церковные праздники, был обязательным запрет на работу. И хотя в данной традиции Вербное воскресенье не называется в числе карательных праздников³, тем не менее нарушение этого запрета может привести к наказанию:

В великие праздники двундесятые нельзя работать, не надо. Вот вы знаете, мы сюда переехали, тут через два дома люди жили, мы еще молодые были <...> Что ни больше праздник, они в огороде, копают, парники ставят, меня прямо это удивляло. Ну запрет, вот табу, шо свекровь, шо мать в праздники нельзя работать. Ну совпадение, конечно. А потом дети, два, их мальчик и другой, по нечаянности, как не считай, но выстрелил тот пацан и застрелил этого. Тогда бабушка вот это,

² Пономарева Людмила Николаевна, 1953 г.р., с. Самойловка.

³ Карательными в данной традиции именуются наиболее опасные праздники, во время которых нарушение положенного запрета непременно повлечет наказание.

у них там бабушка была, отец с матерью и двое детей. Вот пацана лет тринадцати застелил. Тогда вот она целый месяц к речке там терны и вот она выла прям <...> плакала за этим сыном. Ну вот я, как человек верующий, в праздники страшно работать, нельзя. Я связываю. Говорю, ну нельзя же было, вот Вербное воскресенье, я помню это, **они прямо на Вербное воскресенье строили парники**⁴.

Как и у всех славян, в данной традиции главным атрибутом праздника являлась верба, точнее, вербные ветки, срезанные накануне — обычно в субботу, которые необходимо было освятить в церкви:

[Когда первый раз корову выгоняешь, не надо было ее какой-то специальной палкой?] Ну это ж впэрд было, як стари люды нам казалы, яко оцэ эта **Вэрбна недиля** есть пэрэд Паскою, святють вэрбы в церкви...⁵.

Однако в связи с тем, что большинство воспоминаний наших информантов относятся к советскому периоду, когда религия была запрещена на государственном уровне, а церкви разрушены либо приспособлены под иные помещения, в рассказах в основном фигурировали «народные» способы освящения вербных веток.

1) Освящение праздничным периодом: атрибуты сами по себе священны, потому что они принадлежат празднику.

[Вербы кто освящал в советское время, когда не было церкви?] Но мы их не освещаем, вербы они, на вербно они считаются освященными, эти вербочки. Их рвешь, приносишь, они считаются освященными, их не освящают⁶.

В данном случае вербная ветка, срезанная в праздничное время, считается священной по умолчанию, как, например, и вся вода на Крещение. Однако встречается и другая разновидность такого освящения:

На Вэрбну субботу мы ризалы вэрбу. Ризалы три вэточки, одну веточку сризали в вечери, **тоди я клала их на улице цы вэточки**, а утром ўставала, брала цы три веточки, прыходыла в хату, была своих дэтэй ўсих⁷.

В данном случае освящение тоже происходит благодаря факту праздника, но для его осуществления необходимо дополнительное действие: вынести на улицу, поставить на ночь на высокое место и подобное. Такой же способ использовался, например, и при освещении пасхальных куличей:

А еще паску [кулич] крестили как: выставляли на улицу на крышу, и вот она там, до 12 часов, после 12 тада ее забирали, ўговорили, шо она там крестится, тоже святят⁸.

⁴ Пономарева Людмила Николаевна, 1953 г.р., с. Самойловка.

⁵ Троценко Любовь Петровна, 1941 г.р., с. Ольшанка.

⁶ Степанова Александра Петровна, 1937 г.р., с. Криуша.

⁷ Гетманова Нина Федоровна, 1937 г.р., с. Еловатка.

⁸ Ерофеева Раиса Ивановна, 1938 г.р., с. Самойловка.

Как пишет Е. Е. Левкиевская по поводу освящения пасхальной пищи, в данной традиции «Произошло возвращение к архаическим, дохристианским формам религиозности, когда в роли сакральности выступают силы природы» [10, с. 48]. В примере, приводимом Е. Е. Левкиевской, собеседница рассказывает о том, что ее бабушка выносила пищу, «коли солнце встало», в приводимых нами цитатах сакральной силой является ночь, или, можно сказать, канун праздника, который обычно маркирован в фольклоре.

2) Дать постоять какое-то время в воде дома:

А тоди, колы идутъ святыть, ну в наше врэмѧ тоди ужъ церквей нѧ булѧ, по-разрушили же в тридцатые ўоды <...>, так что святыли дома. Считалосѧ оцѧ, аўа, вѣрба в бутылочке постѧяла, разбухла так, это она уже посвятыласѧ⁹.

Главным ритуальным действием Вербного воскресенья было битье вербой веткой. Время для него всегда маркировано — *рано утром, утром, на заре*. Или:

Як дѣти сплять ещѧ, мамка, было, подхѧдѧ и хлѧщѧ, хлѧщѧ¹⁰.

По свидетельству большинства информантов, основным объектом ритуального битья были дети. Цель такого воздействия — дать здоровье («чтобы здоровыми были») или защитить от болезней («чтобы не болели»). Однако несколько человек вспоминали, что били *друг друга, и взрослых, и детей, всех*:

Да, утром на заре били вербой. [А кого били?] Да **всех** били¹¹.

Кроме того, было зафиксировано единичное свидетельство о битье в этот день домашних животных:

А потом вот дѣтѧй ўсѧх похлѧстаю, у мѧнѧ их было трѧ, тодѧ иду **всю скотину похлѧщу**¹².

В процессе битья обязательно произносили приговоры, состоящие из нескольких мотивов. Картографирование таких мотивов, которые «легко сочетаются друг с другом в разных вариантах, образуя многочисленные, не слишком устойчивые тексты», было сделано Т. А. Агапкиной для Полесья [1], что позволило увидеть характерные мотивы для всего региона и их локальные варианты. Следуя примеру Т. А. Агапкиной, мы выделили мотивы, зафиксированные в приговорах Самойловского района:

- 1) Не я бью, верба бѧе;
- 2) Ось нѣдалѣчко красно яечко;
- 3) За тыждѧнь Вѣлыкдѧнь;
- 4) Нѧ вмырай, красно яечко дожидай;
- 5) Вѣрба хлест, бей до слез.

Мотивы 1 и 3 являются повсеместными в данной традиции, они встречаются в разных комбинациях во всех обследованных населенных пунктах. Например:

⁹ Шестакова Валентина Павловна, 1937 г.р., с. Еловатка.

¹⁰ Шестакова Валентина Павловна, 1937 г.р., с. Еловатка.

¹¹ Давиденко Таисия Викторовна, 1960 г.р., с. Еловатка.

¹² Гетманова Нина Федоровна, 1937 г.р., с. Еловатка.

Не я бью, верба бье,
За тыждэнь Великдэнь,
Ось нэдалечко красно яечко¹³.

Обратим внимание, что ровно эти же мотивы являются, по наблюдениям Т. А. Агапкиной, и общеполесскими. Что же касается мотива «Ось недалечко красно яечко», который был зафиксирован в Ольшанке, Самойловке, Залесянке, Криуше, т. е. везде, кроме Еловатки, то он, возможно, свидетельствует о связи местного населения с Черниговской, Киевской и Ровенской обл. Украины, так как он, по данным Т. А. Агапкиной, распространен «на территории центральной и восточной части Украинского Полесья» [1, с. 53, см. также карту № 19].

Приговоры Еловатки имеют свой, локальный, мотив — 4, например:

Вэрба бье!
Нэ я бью!
За тыждэнь
Вэлыждэнь!
Нэ вмирай,
Красно яечко дожидай!¹⁴

Такой же мотив, лексически почти идентичный еловатскому, был записан в составе приговора в Воронежской области, в селах и с русским, и с украинским населением (в обследованных нами селах Богучарского района, который является частью слободской Украины, он не встретился):

Верба бье, ны я, ны умирай, красного яечка дажидай» (с. Березово Подгоренского района) [9, с. 87].

Этот элемент не выделен в статье Т. А. Агапкиной, однако его синонимом (в плане содержания) можно считать следующий мотив, зафиксированный лишь дважды в с. Боровое Рокитновского района Ровенской области:

Не я бью, верба бье,
За Тыждень — Вельк день.
Нэ умирай, не конай,
Паски дожидай,
Красно яичко — Паска недалечко¹⁵.

Мотив 5, который представляет собой весь приговор, в данном районе коррелирует с этнической принадлежностью информанта — все случаи записаны от русских.

Т. А. Агапкина отмечает, что общеполесскими являются мотивы с пожеланиями (различия касаются лишь их формулировок), в «Словаре славянских древностей» в качестве примера украинской формулы приводится приговор тоже с пожеланием «укр.

¹³ Новицкая Анастасия Ефимовна, 1921 г.р., с. Криуша.

¹⁴ Шевцова Нина Ивановна, 1937 г.р., с. Еловатка.

¹⁵ Полесский архив. Электронная версия. 1985 // Отдел этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.

Не я бью, верба бье / За тыждень — Велькдень; Будь великий, як верба, / А здоровый, як вода, / А богатый, як земля» [19, с. 337]. Однако в рассматриваемой нами традиции такие мотивы редки и совершенно не похожи на приводимые Т. А. Агапкиной и Н. И. Толстым, структура которых, как мы можем видеть, основана на сравнении (*А здоровый, як вода*).

В нашем случае пожеланий, подобных приведенным, не встретилось. С некоторой натяжкой похожий случай представляет собой озвучивание цели ритуального битья, ритмически включенное в приговор, о которой говорили другие информанты прозой после вопроса собирателя: «Зачем нужно было бить веткой?»:

*На тыждэнь Вэлыждэнь, не умирай, красно яичко дожидай. Та будьте здорови, та с праздничком*¹⁶.

Нэ я бью, взрба бье, ось недалэчко красно яечко. **Згоняю з вас всэ. Все болезни, а хорошее вам оставляю**¹⁷.

Таким образом, проведенный анализ показывает, как вербальный символ (по Н. И. Толстому) обряда является в данном случае лакмусовой бумажкой для демонстрации полидиалектности анклавной традиции.

Собственно ритуальная сторона данного праздника ограничивается в исследуемой традиции ритуальным битьем, однако ветки, заготовленные для этого дня, продолжают использоваться на протяжении всего года. Так, их клали за икону, хранили в доме, считая оберегом:

[А детей не бьют?] Да, потихонечку, и вербочку эту прибирают. [Куда прибирают?] Ну вообще дома ставят, ну в образа поставить эту вербочку, ну в иконку, на всякий случай. [А на какой случай?] Да ну мало ли что бывает¹⁸.

Оца верба, посвященная ў тому ў церкви, она стояла, як оберех. [Где стояла?] Ну в хате. [От чего оберег?] Оберех — от всяких несчастий в доме. < ... > Просто як оберех было. [Не выкидывали ее потом?] Ну потом уже, як пройду год¹⁹.

Оставляли в воде, чтобы дала корни, а потом сажали:

[А на вербное вербу ломали?] Ломали и ставляли в эту в банку, тоди она пу-стэ росточки и сажали их, ци взрбы²⁰.

Большинство наших собеседников показывали посаженное ими во дворе или в огороде дерево, но не могли объяснить, для чего нужно было это делать. Однако в одном интервью выросшее из этой веточки дерево было включено в нарративы эсхатологической тематики. Так, именно на нем можно будет спастись во время конца света:

[А не говорили про конец света?] Все время говорили [А когда он наступит?] А когда он наступит, бох его знает, потому вот эту священные взрбычки, взрбы, потому и втыкали, потому ўговорили, если будет конец света, то надо на это дерево

¹⁶ Гетманова Нина Федоровна, 1937 г.р., с. Еловатка.

¹⁷ Россошанская Лидия Ефимовна, 1936 г.р., с. Криуша.

¹⁸ Зотова Татьяна Ивановна, 1952 г.р., с. Криуша.

¹⁹ Беспалова Любовь Павловна, 1935 г.р., с. Залесянка.

²⁰ Выкубова Валентина Федоровна, 1936 г.р., с. Криуша.

залазить [которое выросло из этой веточки освященной?] из этой веточки и вот надо туда залазить [И что, тогда спасешься?] Ну да, вроде так уговорили²¹.

Отметим, что у этого мотива нет параллелей в «Новом завете», более того, он не встретился нам и в других традициях. Возможно, это лишь единичный случай народной интерпретации: верба защищает людей здесь и сейчас и будет оберегать при наступлении Апокалипсиса. Особенно соблазнительно было бы так считать, если бы в данной традиции были зафиксированы другие легенды библейской тематики, в которых фигурирует верба. Так, Т. И. Парфило выделила более 30 таких сюжетов [13]. Однако пока в нашем распоряжении этих нарративов нет.

Кроме того, вербные ветки использовали и в другие дни в народном календаре. Так, вербными ветками украшали одно из основных пасхальных блюд — кулич, в данной традиции именуемый *паской*.

Ну паску дома сами пекли и обязательно ее же украшали разными этими, венчиками и прочее и втыкали палочки вербы в эту паску и считалось тоже, что это человека защищает от всяких бед и напастей, и болезней. И считалось, что пасочку режешь вот с вербой и это надо отведать, покушать с яичком и с этим. Во так²².

Здесь следует отметить, что эта практика не была повсеместной в данном районе. Воспоминания о таком использовании вербных веток были записаны от большинства собеседников в Еловатке и по одному свидетельству были зафиксированы от жительниц Ольшанки и Криуши. Из приведенной цитаты видно, что украшение паски вербными ветками имело апотропеическую функцию — обеспечивало защиту человека от болезней и бед.

Вообще же связь Вербного воскресенья и Пасхи посредством вербных веток в данном случае не является уникальной. Так, в Закарпатье «Посуда с тестом [для паски] стояла в доме на столе, а сверху на нем лежало несколько вербовых веток; растапливали печь заранее приготовленными сухими ветками (то же встречаем и на западе Полесья)» [3, с. 3]. «На Лемковщине вербную ветку клали на готовую из теста паску, чтобы она росла, «як верба», а в с. Слобода Никольська (Слобожанщина) паску подрумянивали, разжигая вербные ветки [5, с. 167].

Безусловно, связь вербных веток с пасхальной выпечкой — черта украинская, однако именно зафиксированный на данной территории способ встречается у украинского населения Омской и Тюменской областей [8, с. 120], в с. Олбин Козелецкого района Черниговской области Украины:

Кали пэчуть паски, паломят галинок с той вэрбы и нахрэст поставят по краху тисто у пасху, и так у пичь сажают²³.

Кроме того, украшение пасок вербными ветками до сих пор сохранилось в Полтавской области Украины. Например, об этом упоминается в популярном интервью о пасхальной выпечке с Еленой Щербань, этнографом из с. Опошни Полтавской области:

²¹ Троценко Любовь Васильевна, 1936 г.р., с. Ольшанка.

²² Тютюлина Мария Даниловна, 1940 г.р., с. Еловатка.

²³ Полесский архив. Электронная версия. 1985 // Отдел этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.

Разложенному по формам тесту Елена Щербань дает еще раз подняться и, прежде чем отправить в духовку, втыкает в него поглубже веточки освященной в Вербное воскресенье вербы (без листочков) [14].

Для убедительности приведем цитату из интервью с уроженкой этого же села:

З тіста роблять хрестики, косички, а в центр хреста вставляють ту вербу, що святили на Вербну неділю. Завжди шмат верби (без котиків) вставляють в центрі паски перед випіканням і прям так випікають²⁴.

Практика, описанная в приведенных примерах, является наиболее близкой той, о которой рассказывают жители Еловатки. Такое соответствие подтверждает одно из предполагаемых мест исхода жителей этих сел — Полтавскую губернию Украины.

Еще одно повсеместное использование вербных веток — во время первого выгона скота. В Вербное воскресенье жители Самойловского района одну вербную ветку втыкали в хлев, а затем ею выгоняли коров на пастбище весной:

Бьют их веточками вербными, они там стоят, и вот выгоняем их этими веточками, чтобы они паслись, молочка давали, чтоб не болели ничем²⁵.

А одну вэрбинуку ўстрояю ў сараі. А коли корову выўняю першы дзень ў чэрэду [стадо] пастыся, оцэ бэру ту вэрбичу і ўноню корову на пастбище. А потым ў вечери іду с цэй лозинкою за коровою. И оцэ я ие иду и хлэщу, шоб ие хранил ўсподзь Бох. Шоб она пришла здорова до дому. А тоди приўняю ие ў вечери и опять ўстрояю ту вэрбичку, и так она до следующего ўода в хлеви торчит. [Т. е. один раз выгоняли вербной веткой?] Пэрвы дзень, пэрвы дзень²⁶.

Вербная ветка осмысливается как магический предмет, который защищает корову; в последнем примере это выражено общей фразой «шоб ие хранил ўсподзь Бох». В следующем интервью информант проговаривает, от кого должна защищать вербная ветка, оставленная в хлеву:

[ТЛВ] Оцэ ту вербычку шоб дэржать, як корову выўняць в чэрэду цэй вэрбычкой выўняць.

[ВВИ] Святой вэрббй.

[ТЛВ] Ну святой. И ў двір заўняць, тоди она будэ ходіць до дому.

[ВВИ] Святой вэрббй.

[А вербу втыкали в хлив?]

[ВВИ] Да, от колдунки²⁷.

В исследуемом регионе, как и вообще у славян, существует представление о том, что корова, как и человек, нуждается в постоянной защите, так как ее могут испортить ведьмы или сглазить обычные люди. Об этом можно судить по широко распространен-

²⁴ Пошивайло Марія, 1988 р.н., Київ (з Опішні Полтавської області). Зап. Дарья Анцибор. Выражаю признательность Дарье Анцибор за предоставление данного материала.

²⁵ Степанова Александра Петровна, 1937 г.р., с. Криуша.

²⁶ Гетманова Нина Федоровна, 1937 г.р., с. Еловатка.

²⁷ ТЛВ — Троценко Любовь Васильевна, 1936 г.р., с. Олышанка; ВВИ — Власенко Валентина Ивановна, 1943 г.р., с. Самойловка.

ным в изучаемой традиции нарративам о пропаже молока у коровы. Самым опасным является период нахождения коровы в стаде, когда она покидает домашнюю территорию и ее могут видеть чужие люди. В связи с этим в изучаемом районе в первый день выгона хозяева предпринимали следующие превентивные меры: били вербой и рисовали чесноком крест на лбу (о других ритуальных действиях в первый день выгона скота у славян см. [15, с. 467]).

Помимо защитной функции, это ритуальное действие обеспечивало благополучное возвращение коровы домой (чтобы корова не потерялась, не заблудилась, нашла дорогу):

Цой вэрбѡй, кажуць, в пэрвы дэнь надо выгнать, **шоб корова до дому ходыла**²⁸.

Отметим, что в настоящее время жители продолжают срезать вербные ветки в Вербное воскресенье и ставят их в доме. Несмотря на открытие церкви в Самойловке, большинство информантов не освящают ветки там, объясняя это удаленностью населенных пунктов от районного центра, плохим транспортным сообщением и своим здоровьем. Некоторые наши собеседники до сих пор практикуют битье вербной веткой для поддержания здоровья. Информанты, у которых есть корова, продолжают выгонять ее на пастбище вербной веткой.

Практики Чистого четверга

Следующий предпасхальный праздник, который отрефлексирован в данной традиции, — Чистый четверг. У славян этот день был насыщен разными очистительными обрядами: купание, очищение посуды, профилактическая защита жилища и двора [2]. В данной традиции сохранились воспоминания об обязательном ритуальном купании (мытье) всех членов семьи до восхода солнца и уборке в доме:

[А вот чистый четверг еще есть?] В Чистый четверх баню топят, купаются, в доме убираются. Назывался Чистый четверх. [А купаются когда, утром или вечером?] До восхода солнца надо купаться, уговорили так. [А почему?] Не знаю, так казали и мы раньше купались, коли старики наши были, а сейчас уже перестали, молодежь²⁹.

Чистый четверг осмысливается как своеобразная граница между обычной жизнью и наступающим праздником — Пасхой. До Чистого четверга можно делать грязную работу: убирать дом, стирать; после него можно только готовить пасхальную пищу. Мнения о том, когда нужно закончить грязную работу — до четверга или непосредственно в четверг, — разделились. Для одних информантов само название говорит о том, что именно этот день предназначен для того, чтобы все «чистить»:

[А вот в Чистый четверг что делали?] На чистый четвер всеуда убывалы в доми, стирали, купались в Чистый четвер, а в пятницу уже ничоуо не стирали, не мылись, не купались³⁰.

²⁸ Давиденко Таисия Викторовна, 1960 г.р., с. Еловатка.

²⁹ Кириченко Антонина Егоровна, 1941 г.р., с. Криуша.

³⁰ Гетманова Нина Федоровна, 1937 г.р., с. Еловатка.

Другие считают, что закончить с делами нужно до Чистого четверга, утреннее мытье в этот день является как бы завершающим очистительным этапом:

[А что еще надо было делать?] Обязательно, в каждом уголке вычистишь вымоешь к Чистому четвергу, это в среду, а в четверг уже моешься сам. Провозишься в среду долго, до 12 ночи, а в час уже помоешься, выкупаешься и ложишься: чистая постель, чисто в доме, отдыхаешь, благодать³¹.

Цель ритуального мытья синонимична битью вербной веткой — чтобы быть здоровым / чтобы не болеть. Заметим, что помимо одинаковой цели для этих действий было и одинаковое время исполнения — рано утром, до зари. В случае Чистого четверга в традиции существует объяснение (правда, транслируемое крайне редко): потому что так делают птицы:

[А купаться надо когда?] в Четвер, утром рано, до зари, до зари. Птыца у четвер своих дэтэй купает до зари, и оцэ до восхода солнца. В четверг оцэ всегда наша маты нас купала. <...> [А какая птица? Вся птица или ворон?] Сказалы, птыца, значит, вся птыца³².

Этот нарратив является переосмысленным, с противоположным знаком, осколком представления о том, что выкупаться надо до того, пока «ворон еще не искупал своих воронят» [3, с. 344]. Ворон, как пишет А. В. Гура, в культуре славян считается птицей нечистой [7, с. 531], что и обуславливает существование в славянской культуре предписания выкупаться «до ворона». Что касается его распространения, то В. К. Солодова указывает, что оно было известно всем восточным славянам [17, с. 102–103], а Т. А. Агапкина характеризует его как южнорусское [4, с. 344]. В данной традиции, по свидетельству информантов, даже практика купания до зари практически исчезла в настоящее время, а объяснительная модель перестала воспроизводиться, видимо, еще раньше (как это часто происходит в традиции вообще), о чем говорит ее однократная фиксация, причем в редуцированном виде.

Заключение

Материал, на котором основано исследование, представляет собой прежде всего воспоминания жителей 1930–1950-х гг. рождения о праздновании Вербного воскресения и Чистого четверга, когда были живы представители предыдущего поколения, которые являлись своего рода трансляторами знания, хранителями традиций.

Настоящий кейс позволяет сделать несколько выводов:

1. Сопоставление вариантов обрядовых действий, вербальных формул, зафиксированных в разных селах анклава, высвечивает мельчайшие диалектные элементы традиции: так, в Еловатке существовал «свой» мотив вербного приговора; большинство жителей этого села по-особому украшали пасхальный кулич, втыкая в него вербные ветки. Интересно, что именно еловатцев жители других сел приводят в пример как «других» хохлов, указывая на их особенную речь:

[Ваш муж тоже местный, тоже хохол?]

Ну, он самойловский хохол, а я залесянская хохлушка.

³¹ Тютюлина Мария Даниловна, 1940 г.р., с. Еловатка.

³² Гетманова Нина Федоровна, 1937 г.р., с. Еловатка.

[А вы говорите, елаватские какие? Рэпаны?]

Рэпаний... рэпаний — цэ знаэ лоп... лóпина... лэ... лопнута, ўот пятка рэпнула, ну вот и так и закацэнный, цы якэ вам слово сказать.

[Понятно...]

Ну, прамозулый такой...

[А самойловские и залесянские хохлы отличаются?]

Ну, они меньше отличаются, а вот... вот в любом селе даже слова как-то друуе, произносятся по-разному... слова разные.

[Например?]

Ну, например, у нас ўоворят: разўоваривать — баять, залесяны, и тут, ў Самойлоўке, мы баялы, разўоваривали — баялы, надо побаить — поўоварить, **яловатцы** кажуть ўовóрять³³.

2. При сохранении воспоминаний о каком-либо ритуале в первую очередь утрачиваются и/или переосмысляются мифологические объяснения, не имеющие прагматического подкрепления, как это произошло в случае с представлением о том, что в Чистый четверг необходимо выкупаться до зари, чтобы успеть до того, как нечистая птица — ворон — искупает своих детей.

3. Ритуальные практики имеют тенденцию из повсеместных переходить в ограниченные. Так, большинство жителей перестали держать коров в настоящее время и поэтому выгон скота вербной веткой остается актуальным лишь для ограниченного круга жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Агапкина Т. А.* Очерки весенней обрядности Полесья // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М.: Индрик, 1995. С. 21–108.
- 2 *Агапкина Т. А.* Чистый четверг // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 355–358.
- 3 *Агапкина Т. А.* Прагматика и функции пасхального хлеба (региональный аспект) // Живая старина. 2014. № 2. С. 4–7.
- 4 *Агапкина Т. А.* Мытье // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 343–346.
- 5 *Герус Л.* Хліб у весняній обрядовості українців // Вісник Львів. ун-ту. Сер.: Істор. Вип. 47. С. 142–173.
- 6 *Горизонтов И. П.* Слобода Самойловка. Три острова тож. Этнографический очерк // Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 год. Саратов: Тип. губ. правл., Ищенко, Кувардина и Считник, 1872. С. 28–43.
- 7 *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- 8 *Золотова Т. Н.* Современное состояние предпасхальных традиций восточнославянского населения Западной Сибири // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития России: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. Ю. Смирнова, Н. А. Томилов. Омск: Наука, 2016. С. 119–122.

³³ Пономарева Людмила Николаевна, 1953 г.р. с. Самойловка.

- 9 Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области. Афанасьевский сборник. Материалы и исследования / сост. Т. Ф. Пухова, Г. П. Христова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. 249 с.
- 10 Левкиевская Е. Е. Святочная и пасхальная обрядность украинцев Самойловского района // Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2013. № 4. С. 45–48.
- 11 Левкиевская Е. Е. Проблемы описания локальных традиций и возможные методы их изучения (на примере украинского анклава Саратовской обл.) // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 37–47.
- 12 Ляхова Л. Из истории Еловатки // Строитель коммунизма. 1987. № 65, 28 мая. URL: <http://www.samoilovka.ru/home/publications/chronicle/xviii/23> (дата обращения: 06.01.2017).
- 13 Парфило Т. И. Образ вербы в восточнославянских легендах библейской тематики // Традиционная культура. 2010. Т. 40. № 4. С. 97–108.
- 14 Пасхальный кулич: традиции, приметы и поверья от известного этнографа // Нескучные новости. URL: <http://neskuchno-news.com/life/paskhalnyi-kulich-traditsii-primety-i-povertia-ot-izvestnogo-etnografa-104826.html> (дата обращения: 19.06.2017).
- 15 Плотникова А. А. Выгон скота // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 467–474.
- 16 Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Изд-во ИСл РАН, 2016. 320 с.
- 17 Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 288 с.
- 18 Строчкова К. Самойловка слобода, Балашовского уезда. Обычаи жителей этой слободы // Саратовские губернские ведомости. 1849. № 16.
- 19 Толстой Н. И. Вербное воскресенье // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 336–338.

© 2018. Nadezhda N. Rychkova
Moscow, Russia

THE TRADITIONS OF PALM SUNDAY AND MAUNDY THURSDAY IN THE UKRAINIAN ENCLAVE IN SARATOV REGION

Acknowledgements: Research was financially supported by the Russian Science Foundation (RSF), grant No. 14-18-00590-II “Texts and practices of folklore as a model of cultural tradition: A comparative and typological study”.

Abstract: The paper is to analyze the rites of Palm Sunday and Holy Thursday religious holidays. It attempts to reveal an interrelationship between Russian and Ukrainian features of these holidays. The author follows the methodology of Moscow Ethnolinguistic School and the paper is based on the fieldwork data of the Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies collected in several villages of the Ukrainian enclave in Saratov region in 2012–2016. It focuses on the celebration of these holidays in the past — in 1950s–1970s. The analysis of these holidays showed that the culture

of this enclave is not homogeneous. Besides describing dialectal features of these rites, the author compares the festive tradition in this enclave with those in other regions of Ukrainian migration as with the tradition in Ukraine.

Keywords: Folklore, folk dialects, Ukrainian enclave, Palm Sunday, Holy Thursday, religious holidays.

Information about author: Nadezhda N. Rychkova — PhD in Philology, Fellow Researcher at Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq. 6, 125993 Moscow, Russia. E-mail: nadya.vohman@gmail.com

Received: February 18, 2018

Date of publication: September 15, 2018

For citation: Rychkova N. N. The traditions of Palm Sunday and Maundy Thursday in the Ukrainian enclave in Saratov region. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 107–121. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Agapkina T. A. Ocherki vesennei obriadnosti Poles'ia [Essays on the spring ritual of Polessye]. *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Etnolingvisticheskoe izuchenie Poles'e* [Slavic and Balkan folklore. Ethnolinguistic study of the Polessye]. Moscow, Indrik Publ., 1995, pp. 21–108. (In Russian)
- 2 Agapkina T. A. Chisty i chetverg [Holy Thursday]. *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012, vol. 5, pp. 355–358. (In Russian)
- 3 Agapkina T. A. Pragmatika i funktsii paskhal'nogo khleba (regional'nyi aspekt) [Pragmatics and functions of Easter bread (regional aspect)]. *Zhivaia starina*, 2014, no 2, pp. 4–7. (In Russian)
- 4 Agapkina T. A. Myt'e [Mytie]. *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.] Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2004, vol. 3, pp. 343–346. (In Russian)
- 5 Gerus L. Khlib u vesnianii obriadovosti ukraïntsiu [Bread in Ukrainian spring traditions]. *Vestnik L'vovskogo universiteta. Serii: Istorii*, vol. 47, pp. 142–173. (In Ukrainian)
- 6 Gorizontov I. P. Sloboda Samoilovka. Tri ostrova tozh. Etnograficheskii ocherk [Sloboda of Samoylovka. Three Islands as well. Ethnographic essay]. *Pamiatnaia knizhka Saratovskoi gubernii na 1872 god* [Commemorative book of Saratov province in 1872]. Saratov, Tipografiia gubernskogo pravleniia, Ishchenko, Kuvardina i Stsitnik Publ., 1872, pp. 28–43. (In Russian)
- 7 Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (In Russian)
- 8 Zolotova T. N. Sovremennoe sostoianie predpaskhal'nykh traditsii vostochnoslavianskogo naseleniia Zapadnoi Sibiri [Modern state of the pre-Easter traditions of the East Slavic population of Western Siberia]. *Kul'tura i vzaimodeistvie narodov v muzeinykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh — vazhneishie faktory stabil'nogo razvitiia Rossii: sbornik nauchnykh trudov* [Culture and interaction of peoples in museum, scientific and educational processes as the most important

- factors of stable development of Russia: collection of studies], responsible ed. by E. Iu. Smirnova, N. A. Tomilov. Omsk, Nauka Publ., 2016, pp. 119–122. (In Russian)
- 9 *Kalendarnye obriady i obriadovaia poeziia Voronezhskoi oblasti. Afanas'evskii sbornik. Materialy i issledovaniia* [Calendar rites and ritual poetry of the Voronezh region. Afanasievsky collection. Materials and studies], compiled by T. F. Pukhova, G. P. Khristova. Voronezh, Izdatel'stvo VGU Publ., 2005. 249 p. (In Russian)
- 10 Levkieskaia E. E. Sviatochnaia i paskhal'naia obriadnost' ukrainsev Samoilovskogo raiona [Christmas and Easter rites of the Samoilovsky district's Ukrainians]. *Zhivaia starina: Zhurnal o russkom fol'klоре i traditsionnoi kul'ture*, 2013, no 4, pp. 45–48. (In Russian)
- 11 Levkieskaia E. E. Problemy opisaniia lokal'nykh traditsii i vozmozhnye metody ikh izucheniia (na primere ukrainskogo anklava Saratovskoi obl.) [Problems of description of local traditions and possible methods of their study (as exemplified by Ukrainian enclave of the Saratov region)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, no 2, pp. 37–47. (In Russian)
- 12 Liakhova L. Iz istorii Elovatki [Excerpts from the history of Ilovatka]. *Stroitel' kommunizma*, 1987, no 65, 28 may. Available at: <http://www.samoilovka.ru/home/publications/chronicle/xviii/23> (accessed 06 January 2017). (In Russian)
- 13 Parfilo T. I. Obraz verby v vostochnoslavianskikh legendakh bibleiskoi tematiki [The image of the willow in the Eastern Slavic legends of biblical thematics]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2010, vol. 40, no 4, pp. 97–108. (In Russian)
- 14 Paskhal'nyi kulich: traditsii, primety i pover'ia ot izvestnogo etnografa [Easter cake: traditions, superstitions and beliefs from the well-known ethnographer]. *Neskuchnye novosti* [Not boring news]. Available at: <http://neskuchno-news.com/life/paskhalnyi-kulich-traditsii-primety-i-poveria-ot-izvestnogo-etnografa-104826.html> (accessed 19 June 2017). (In Russian)
- 15 Plotnikova A. A. Vygon skota [Pasture]. *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: 5 vols.] Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1, pp. 467–474. (In Russian)
- 16 Plotnikova A. A. *Slavianskie ostrovnye arealy: arkhaika i innovatsii* [Slavic island areas: archaic and innovation], responsible ed. by S. M. Tolstaia. Moscow, Izdatel'stvo ISI RAN Publ., 2016. 320 p. (In Russian)
- 17 Sokolova V. K. *Vesenne-letnie kalendarnye obriady russkikh, ukrainsev i belorusov. XIX – nachalo XX v.* [Spring-summer calendar rites of Russians, Ukrainians and Belarusians. XIX – early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russian)
- 18 Strokova K. Samoilovka sloboda, Balashovskogo uezda. Obychai zhitelei etoi slobody [Samoylovka Sloboda, Balashov district. Local residents' customs]. *Saratovskie gubernskie vedomosti*, 1849, no 16. (In Russian)
- 19 Tolstoi N. I. Verboe voskresen'e [Palm Sunday]. *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1, pp. 336–338. (In Russian)